

Небо затянуло серой, как мышинная шёрстка, хмарью. Низкие тучи нависли над самым городом, и порывистый ветер предвещал скорую бурю.

Деловое сердце города, один из небоскрёбов делового центра. На самом верхнем этаже, прямо перед закрытой дверью кабинета генерального директора, царило напряжённое молчание.

Секретари застыли на своих рабочих местах. Они старательно делали вид, будто поглощены делами, но время от времени переглядывались, и каждый такой взгляд неизменно устремлялся к плотно запертой дубовой двери.

Бестолковый старший сын главы корпорации вошёл туда добрых полчаса назад.

Вдруг раздался глухой удар — похоже, в дверь изнутри прилетела увесистая папка с бумагами.

— Если ещё раз принесёшь мне подобный мусор, соберёшь шмотки и выметаешься из дома! — яростный крик председателя легко преодолел звукоизоляцию дорогой древесины. — Считай, у меня больше нет сына!

Секретарши обменялись красноречивыми взглядами. Каждая подумала об одном и том же: «Опять началось».

Створка распахнулась. Теперь брань отца звучала отчётливо, заглушая даже рокочущие в отдалении раскаты грома.

— Голову подними! Вечно жмёшься как побитая собака, смотреть тошно!

— Отец, успокойся, пожалуйста...

— Да как тут успокоиться, когда родной сын — пустое место?! Проваливай с глаз моих!

Вслед за молодым человеком вылетела стопка документов, и листы формата А4 веером разлетелись по полу.

Из кабинета выкатился молодой мужчина года двадцать четыре. На нём был безупречно скроенный, дорогой костюм, волосы уложены волосок к волоску, но во всей его фигуре сквозили такая зажатость и неприкаянность, будто его насильно запихнули в этот образ успешного бизнесмена.

Нрав у него, судя по всему, был на редкость кротким. Несмотря на позорное изгнание на глазах у подчинённых, он не выказал ни капли злости — лишь молча опустился на колени и принялся бережно собирать разлетевшиеся бумаги.

Секретарши принялись строить друг другу гримасы. В конце концов той, что сидела ближе всех, пришлось уступить безмолвному давлению коллег. Надув губы, она нехотя поднялась из-за стола.

— Младший директор Хо, давайте я помогу, — вежливо произнесла она. Профессиональная этика обязывала её улыбаться любому клиенту или начальнику, пусть даже такому непутёвому.

Хо Чусяо выдавил из себя блёклую благодарную улыбку:

— Всё в порядке, занимайтесь своими делами.

Девушка воспользовалась моментом, чтобы рассмотреть его поближе. У него было поразительно красивое, утончённое лицо. У основания правой брови притаилась крошечная коричневая родинка, густые ресницы бросали тень на чистые, ясные глаза, а влажные губы были скорбно сжаты. Он и вправду был чертовски хорош собой.

Засмотревшись, секретарша потянулась к тому же листу, что и Хо Чусяо. Когда их пальцы соприкоснулись, её обдало лёгким холодом от его кожи, и она тут же опомнилась.

Хо Чусяо уже поспешил извиниться:

— Простите, ради бога.

Девушка мысленно подивилась.

"Чего он так тушует? Словно боится обидеть простую офисную служащую. Он же, как-никак, сын самого председателя!"

Вскоре бумаги были собраны. Прижав к груди злополучную папку, которую отец только что окрестил мусором, Чусяо ещё раз едва слышно поблагодарил помощницу и пошёл к лифтам.

Он притворялся, будто не замечает, как за его спиной моментально возобновилось шушуканье.

Когда он проходил мимо общих отделов к своему кабинету, разговоры там на миг затихали. Чусяо лишь горько усмехался про себя. Вряд ли во всём городе нашёлся бы другой наследник крупной компании, столь же жалкий и презираемый всеми.

Решив взбодриться, он отправился в буфетную за кофе. Однако на пороге замер, услышав приглушённые голоса из-за перегородки.

— Слышали? Нашего опять вышвырнули из кабинета. Говорят, бумаги по всему полу летели, шеф орал как резаный.

— Кого именно? Младшего директора Хо?

— Тсс, потише ты! Его, кого же ещё. Год уже тут торчит, и весь этот год девчонки из приёмной только над ним и потешаются.

— Ну, отец просто строг к нему, воспитывает. Может, это всё напояз?

— Да ты просто не видела, как директор Хо со вторым сыном общается! В прошлом месяце Второй младший директор Хо заглянул в офис на пару дней во время каникул — так шеф сиял, как начищенный таз, шагу ступить без него не мог. Не зря шепчутся, что второй сын у них куда толковее старшего.

— Ой, этот Хо Чухун такой лапочка, мы с ним даже поболтали! Только поступил, а какой обходительный, язык подвешен дай боже. Не то что этот наш... вечно молчит как сыч, только извиняться и горазд. Смотреть тошно, прямо тоску нагоняет.

— И ведь у них один отец. Почему же один — золото, а второй — недоразумение какое-то?

Чусяо бесшумно отступил от двери. Желание пить кофе пропало начисто.

Вернувшись на рабочее место, он уставился в тёмный зеркальный монитор компьютера, попытался изобразить улыбку, но тут же увял.

На столе завибрировал телефон — звонила мать, Ци Бижун. Чусяо судорожно вздохнул, стараясь придать голосу как можно более бодрый, беззаботный тон, чтобы она не заподозрила неладное.

— Да, мам? Привет!

Голос матери прозвучал сухо и холодно, в точности как у отца:

— Не забудь, что сегодня вечером ты должен быть в загородном доме.

— Конечно, у бабушки же день рождения. Я помню, мам, даже если завалюсь делами, обязательно приеду. Не волнуйся.

При мысли о подарке, который он готовил целый месяц, на душе у него потеплело. На бледном лице наконец проступила искренняя, мягкая улыбка, а глаза сощурились в весёлые

полумесяцы.

Мать раздражённо хмыкнула:

— Занят он! Ты занят не работой, а тем, что доводишь отца до белого каления. Мне уже доложили, что ты снова напартачил и устроил сцену в его кабинете.

Улыбка на отражении в мониторе стала вымученной.

— Вовсе нет... Отец просто объяснял мне тонкости управления...

— Надо же, как ты ловок в самооправданиях! Позволяешь подчинённым смеяться тебе в лицо — у тебя вообще гордость есть? Я сразу говорила: бизнес не для тебя. Сидел бы дома да получал свои дивиденды, и позориться бы не пришлось.

— Но я ведь просто хочу помочь отцу, порадовать его...

— Избави бог от такой радости! Если ты перестанешь мозолить ему глаза, он будет счастлив. Запомни: ты не твой брат, так зачем прыгать выше головы? В общем, звоню предупредить: оденься прилично. Бабушка терпеть не может твой вечно кислый вид. И не вздумай приезжать слишком рано, лучше явись к самому началу, когда соберутся все гости. Твоё присутствие там погоды не делает. В прошлый раз ты притащился первым, так мать потом весь вечер мне выговаривала, какой ты нелюдимый и скучный. Ей с тобой тяжело. Просила, чтобы в этот раз сначала приехал Чухун.

Улыбка окончательно увяла. Чусяю низко опустил голову, чувствуя себя провинившимся ребёнком.

— Хорошо... Мам, прости меня.

— Ладно, довольно. От твоих вечных вздохов только настроение портится.

В трубке раздались короткие гудки.

Чусяю резко захлопнул крышку ноутбука, не в силах больше выносить собственное отражение. Он зажмурился, пытаясь представить, что во всей вселенной нет никого, кроме него.

Если бы это было правдой... Как бы облегчило ему жизнь.

Все свои двадцать четыре года он жил под гнётом чужого презрения.

Он родился в семье потомственных коммерсантов, но в экономике и управлении смыслил не больше младенца. Ну и что с того, что он поступил в престижную Академию художеств? Что с того, что его награды едва умещались на стенах его комнаты? В глазах родственников он оставался никчёмным бездельником, занимающимся бесполезной чепухой.

После выпуска он, скрепя сердце, забросил кисти и холсты, заставил себя пойти в семейную фирму — и ради чего? Отец по-прежнему смотрел на него как на пустое место, мать брезгливо отворачивалась, а рядовые клерки судачили за спиной.

Его младший брат, Хо Чухун, бывший на четыре года моложе, унаследовал все мыслимые добродетели. Не по годам развитый, сообразительный, любимчик учителей и сверстников, он блестяще окончил экономический факультет ведущего вуза и уже всю помогал вести дела компании.

Казалось, даже внешность обоим братьям раздали так, чтобы подчеркнуть их несхожесть. Чусяо, замкнутый и тихий, обладал мягкими, лишёнными всякой резкости чертами лица, на которых вечно застывало выражение отрешённости. Чухун же рос ярким, харизматичным юношей с сочными губами, белоснежной улыбкой и живым, лучистым взглядом, унаследованным от матери. Стоило ему заговорить, как внимание всех присутствующих безраздельно принадлежало ему.

Чухун купался в обожании с самых пелёнок, купался в лучах славы, пока старший брат оставался лишь блёклой тенью. Да нет, даже тенью его назвать было трудно. Оказавшись на одной сцене с братом, Чусяо становился лишь карикатурной декорацией, подчёркивающей идеальность любимого сына.

"Я не декорация, — с горькой иронией подумал он, — я просто отражатель, направляющий весь свет на него".

Мимо стеклянной перегородки его кабинета прошёл сотрудник. Заметив, что молодой начальник сидит в одиночестве и глупо улыбается пустоте, он ускорил шаг.

Чусяо прекрасно понимал, какие слухи поползут по офису завтра: «Наш-то опять у себя сидит, сам с собой ухмыляется. Точно крыша поехала».

От подобных мыслей наваливалась жуткая усталость. Как бы ему хотелось научиться плевать на чужое мнение! Но он не умел. И ненавидел каждую секунду своей теперешней жизни.

Вечером он покорно последовал указаниям матери и приехал к старому семейному особняку без пяти семь.

Войдя в дом, он не стал бросать пальто и сумку подбежавшей прислуге, а привычно повесил их на вешалку сам. Несмотря на происхождение, Чусяо с детства привык держаться скромно и никогда не обременял горничных лишней работой. Разумеется, никто этой деликатности не

ценил. Прислуга скользнула по нему равнодушным взглядом и молча ушла по своим делам.

К чему прислуживать старшему сыну, который в этом доме никто?

— Бабушка, я приехал! — как можно громче и веселее крикнул Чусяо, проходя в гостиную.

Шумный, весёлый гул голосов в зале мгновенно смолк.

Наступила та самая удушливая тишина, которую он знал слишком хорошо. Так его семья встречала единственного человека, которого здесь никто не ждал.

Единственной, кто нарушил неловкую паузу, оказалась его тётушка, Хо Илэй:

— Ой, Сяосяо приехал! Ну как ты, под дождь не попал?

Отец, только что увлечённо обсуждавший с братьями дела государственной важности, недовольно нахмурился:

— Какой ещё Сяосяо? Здоровый лоб уже, хватит сюсюкать. Из-за твоего баловства он совсем обленился!

Хо Илэй подошла к племяннику, поправила выбившуюся прядь на его лбу и зашептала так, чтобы слышал только он:

— Не обращай внимания. Твой отец вечно строит из себя великого главу клана, тоска зелёная.

Она забавно скорчила рожицу. Чусяо слабо улыбнулся ей, а затем обратился к пожилой женщине, сидевшей в окружении гостей:

— Бабушка, с днём рождения тебя!

Старуха недовольно поджала губы:

— И чего так орать? Я ещё не оглохла, нечего тут шум поднимать.

Отец смерил его презрительным взглядом:

— Почему так поздно? Работать толком не умеешь, зато из офиса не вылезает. Только электричество казённое тратишь на свои пустые посиделки! Небось, опять забыл про праздник? В твоей пустой башке хоть что-то держится дольше пяти минут?

Улыбка застыла на губах Чусяю. Он украдкой взглянул на мать, которая с момента его появления так и не повернула головы в его сторону. Юноша прикусил губу и смолчал.

В просторном зале яблоку негде было упасть. Десятки пар глаз смотрели на него свысока — кто с насмешкой, кто с откровенным пренебрежением. И лишь родная мать упорно игнорировала его присутствие.

Тётушка поспешила сгладить углы:

— Ну что ты заладил, брат... Наш Сяосяю просто очень ответственный. И ничего он не забыл! Правда ведь, Сяосяю? Ты ведь приготовил подарок для бабушки? Покажи скорее.

— Да... — опомнился Чусяю и торопливо извлёк из чехла картину, над которой трудился последние недели.

Заметив его нерешительность, Хо Илэй легонько подтолкнула племянника вперёд:

— Мама, взгляни! Это Чусяю сам нарисовал для тебя. Как тебе? Наш мальчик ведь поступил в Академию художеств с высшим баллом на курсе, настоящий талант! Ты только посмотри на эти мазки, на то, как точно переданы детали...

Пожилая женщина мазнула по холсту равнодушным взглядом, а затем резко взмахнула тяжёлой тростью с набалдашником. Раздался треск — и прямо посреди портрета, в который Чусяю вложил столько сил, зияла рваная дыра.

Присутствующие в зале ахнули.

Трость со стуком опустилась на паркет, и старуха гневно застучала ею по полу.

— Опять твоя мазня! Вечно страдаешь ерундой. Это что вообще такое? Ты мне при жизни похоронный портрет решил состряпать?!

Чусяю оцепенел, глядя на изуродованный холст:

— Это... масляная живопись...

— Какая ещё живопись! Понабрался у этих заморских варваров всякой дряни! — старуха вновь замахнулась тростью, целясь племяннику прямо по плечу.

К счастью, Хо Илэй среагировала мгновенно: она перехватила занесённую трость и задвинула Чусяю себе за спину.

— Мама, да что ты творишь! Какие ещё варвары, на дворе двадцать первый век! Да и Чухун подарил тебе антикварную вазу, сделанную на Западе, чем она лучше? А Чусяю ведь всю душу в эту картину вложил, своими руками рисовал...

Отец, заботливо поглаживавший старуху по спине, чтобы та успокоилась, тут же вскипел:

— Да как ты смеешь сравнивать его с Чухуном!

Тётушка не уступила и шагнула вперёд, повысив голос:

— Брат, ты вообще себя слышишь? У тебя что, только один сын? Чусяю тебе больше не родной?

Ссора между братом и сестрой грозила перерасти в полноценный скандал. Родственники бросились их разнимать, в гостиной поднялся невообразимый гвалт. Несколько человек наградили Чусяю откровенно злыми, укоризненными взглядами, будто именно он был виновником этого хаоса — чужак, посмеявшийся отравить их семейный уют.

Сам же виновник торжества стоял посреди комнаты, не поднимая глаз. Он безучастно смотрел на разорванный холст, который суетящиеся гости уже успели растоптать и испачкать грязной обувью.

В этот момент в прихожей снова щёлкнул замок, и до залы донёсся звонкий, жизнерадостный голос, перекрывший все споры:

— Бабушка, я дома!

Слова прозвучали в точности те же, что произнёс Чусяю несколько минут назад.

В груди у старшего брата болезненно сжалось сердце.

Приехал тот, кого обожали все без исключения. Его полная противоположность.

Хо Чухун вернулся.

<http://bllate.org/book/20402/2105783>